

АЛЕКСАНДРА ВЕТРОВА

ИЗМЕНА

**Я СЛУЧАЙНО УЗНАЛА,
ЧТО ТЫ МЕНЯ БОЛЬШЕ НЕ ЛЮБИШЬ**

Александра Ветрова

**Измена. Я случайно услышала,
что ты меня больше не любишь**

«Автор»

2026

Ветрова А.

Измена. Я случайно услышала, что ты меня больше не любишь /
А. Ветрова — «Автор», 2026

Она была уверена: после десяти лет брака она знает о муже всё. Пока однажды случайно не услышала его разговор по телефону. «Я давно её не люблю. Скоро она сама всё поймёт». Эти слова должны были принадлежать не ему. Не мужчине, ради которого она отказалась от карьеры, переехала в другой город и посвятила себя семье. Но самое страшное ждало Алину впереди: у мужа есть другая, и их роман длится гораздо дольше, чем она могла представить.

Содержание

Глава	5
Глава 1. Ужин в тишине	6
Глава 2. Стекланный дом	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александра Ветрова
Измена. Я случайно услышала,
что ты меня больше не любишь

Глава

Глава 1. Ужин в тишине

Алина всегда любила этот момент — когда солнце, проходя через кухонное окно, оставляло на столе длинные золотистые прямоугольники, а в воздухе пахло одновременно утренним кофе и вечерней свежестью, которую приносит с собой кондиционер. Сегодняшний день ничем не отличался от сотен других, разве что она чуть дольше задержалась у плиты, перебирая в памяти смутные обрывки прошлого вечера, которые никак не хотели складываться в цельную картину. Там, в этих обрывках, было что-то тревожное, какая-то неловкость во взгляде мужа, когда он ответил на её вопрос о планах на уикенд, но она отогнала это ощущение подальше, списав на собственную усталость и хроническое недосыпание, которое стало её постоянным спутником за последние несколько месяцев.

Кухня в их доме всегда была сердцем всего пространства, именно здесь они собирались по вечерам, обсуждали прошедший день, строили планы на будущее или просто молчали, наслаждаясь присутствием друг друга. Алина провела пальцем по гладкой поверхности мраморной столешницы, которую они выбрали вместе семь лет назад, и невольно улыбнулась, вспомнив, как долго они тогда спорили о цвете и фактуре, пока, наконец, не нашли тот самый идеальный вариант, устроивший обоих. Теперь эта столешница хранила на себе следы их общей жизни: микроскопические царапины от ножа, которым она нарезала овощи для салатов, едва заметное пятно от красного вина, пролитого в тот памятный вечер, когда к ним в гости приехали её родители, и даже небольшой скол на углу, появившийся после того, как Максим, торопясь на работу, задел его своим кейсом. Каждая из этих мелочей была для неё не просто дефектом, а частичкой их общей истории, напоминанием о том, что они строили этот дом, эту жизнь, это ощущение уюта и безопасности вместе, шаг за шагом, преодолевая трудности и радуясь маленьким победам.

Она расставила тарелки, положила приборы, стараясь, чтобы всё выглядело безупречно, потому что сегодня был один из тех редких вечеров, когда Максим обещал вернуться с работы пораньше и они могли поужинать вдвоём, не торопясь, без вечного фонового шума телевизора и спешки. Алина любила эти моменты, она берегла их как маленькие драгоценности, которые дарила ей судьба в награду за все те жертвы, на которые она пошла ради семьи. Она вспомнила, как десять лет назад, когда они только поженились, она была полна амбиций и грандиозных планов, её карьера в крупном издательском доме стремительно набирала обороты, и коллеги пророчили ей блестящее будущее. Но потом пришёл он, Максим, с его уверенностью, его мечтами открыть собственный бизнес, его убеждённостию, что вместе они смогут всё. И она, не раздумывая, выбрала его, выбрала их совместное будущее, отказавшись от повышения, от блестящих перспектив в столице, от всего, что составляло её личную профессиональную идентичность. Она переехала за ним в этот город, где у неё не было ни друзей, ни знакомых, ни даже нормальной работы по специальности, и начала всё с нуля, строя не свою карьеру, а их общий дом, их общий мир, их общую жизнь.

Теперь, оглядываясь назад, Алина не жалела о своём выборе, потому что у неё был он — надёжный, сильный, любящий, который каждое утро целовал её в щёку перед уходом на работу и всегда находил слова поддержки, когда ей было тяжело. Она мысленно прокручивала в голове их последние разговоры, пытаясь найти в них хоть какой-то намёк на то, что что-то идёт не так, но всё было на своих местах. Он по-прежнему интересовался её днём, спрашивал о книгах, которые она читала, шутил над её привычкой переставлять мебель в гостиной каждые полгода и даже, кажется, стал чуть более внимательным к мелочам, чем раньше. Например, на прошлой неделе он принёс ей букет её любимых пионов, которые она обожала с детства, хотя они были ужасно дорогими в это время года и их практически невозможно было найти в местных цветочных магазинах. Тогда она была тронута до слёз, решив, что это знак его осо-

бой любви и заботы, но сейчас, стоя у плиты и помешивая соус, она вдруг поймала себя на мысли, что это мог быть и просто жест вежливости, какой-то автоматический ритуал, который он выполнял по привычке, не вкладывая в него никакого глубинного смысла.

Внутри неё зашевелилось неприятное, липкое чувство тревоги, похожее на холодную змею, которая медленно расправляла свои кольца где-то в области солнечного сплетения. Она постаралась отогнать его, убеждая себя, что это просто нервы, гормоны или очередная волна её излишней мнительности, которая всегда была её слабым местом. Алина всегда была слишком чувствительной, слишком восприимчивой к чужим настроениям и словам, и Максим часто шутил, что у неё есть какой-то сверхъестественный дар считывать его мысли, даже когда он сам ещё не понимал, что думает. И именно эта её сверхчувствительность сейчас играла с ней злую шутку, заставляя видеть опасность там, где её, вероятно, не было и в помине.

Ровно в семь часов она услышала звук открывающейся входной двери, знакомый скрип, который они никак не могли устранить, и шаги в коридоре — быстрые, уверенные, немного уставшие. Алина вытерла руки о фартук и вышла в прихожую, чтобы встретить его, как делала это всегда, и увидела, как Максим снимает пальто, вешает его на плечики и улыбается ей той самой улыбкой, от которой у неё когда-то подкашивались колени. Сейчас эта улыбка показалась ей чуть более напряжённой, чем обычно, но она списала это на усталость после долгого дня, полного встреч и совещаний, о которых он рассказывал ей вчера вечером.

— Привет, мой хороший, — сказала она, подходя к нему и чмокая в щёку, вдыхая знакомый запах его одеколона, смешанный с едва уловимым ароматом городского воздуха и бумаги. — Как прошёл день?

— Ужасно, как всегда, — ответил он с лёгкой усмешкой, но его глаза смотрели куда-то мимо неё, в глубину квартиры, как будто он искал там что-то или кого-то. — С этими поставщиками просто невозможно работать, они опять пытались завысить цены, пришлось три часа сидеть и пересчитывать все пункты контракта вручную. Но я справился. Пахнет невероятно, ты что, готовила мой любимый соус?

— Конечно, — она улыбнулась, чувствуя, как его внимание, пусть даже такое рассеянное, согревает её изнутри. — Иди мой руки, через пять минут всё будет готово.

Он прошёл в гостиную, а она вернулась на кухню, чувствуя, как тревога начинает понемногу отпускать её. Она сосредоточилась на приготовлении, ловко управляясь с кастрюлями и сковородками, и уже через десять минут они сидели друг напротив друга за красиво сервированным столом, между ними горели свечи, которые Алина зажгла специально для этого вечера, чтобы создать атмосферу уюта и близости. Максим ел с аппетитом, хвалил её кулинарный талант, рассказывал забавные истории о своих коллегах и даже пару раз рассмеялся, когда она подшутила над его привычкой всегда опаздывать на встречи. Всё было почти идеально, почти как раньше, почти как в той жизни, которую она построила своими руками. Почти.

После ужина он ушёл в свой кабинет, сославшись на то, что ему нужно проверить несколько важных писем, а Алина осталась на кухне одна, чтобы помыть посуду. Она включила воду, добавила моющее средство и начала перебирать тарелки, наслаждаясь теплом воды и лёгкой усталостью после вкусной еды. Её мысли были приятно расслаблены, она уже начала прокручивать в голове возможные планы на ближайшие выходные, размышляя о том, стоит ли предложить Максиму съездить на озеро, как вдруг до её слуха донеслись приглушённые голоса из кабинета. Сначала она решила, что это телевизор, который он, возможно, включил фоном, как часто делал, пока работал, но потом поняла, что голос был один, и это был голос Максима. Он с кем-то разговаривал, судя по интонации, с кем-то, кто был ему очень близок, потому что его голос звучал мягко, почти интимно, и в нём слышались нотки, которых Алина никогда раньше не слышала. Она замерла, затаив дыхание, прислушиваясь к его словам, которые доносились через приоткрытую дверь.

— ...сложно тебе это объяснить, но я действительно так чувствую. Я давно её не люблю, — эти слова ворвались в её сознание, как острый нож, и она почувствовала, как всё внутри неё переворачивается. — Мы слишком разные, и чем дальше, тем больше я понимаю, что это была ошибка. Она живёт в каком-то своём мире, в своих иллюзиях, а я просто устал притворяться.

Алина не могла пошевелиться, вода продолжала литься из крана, а тарелка, которую она держала в руках, медленно погружалась в мыльную пену, она даже не заметила, как перестала её мыть, полностью сосредоточившись на голосе мужа. Её сердце билось где-то в горле, а в ушах стоял такой звон, что она едва могла разобрать следующие слова, но она слышала достаточно, чтобы понять: это происходит на самом деле. Это не её болезненное воображение, не игра гормонов, не очередной приступ тревоги, это реальность, в которой её муж, мужчина, которого она любила больше жизни, ради которого пожертвовала всем, говорит кому-то о том, что он её больше не любит.

— Она скоро сама всё поймёт, я уверен. Я не могу больше жить во лжи, это нечестно по отношению к ней, но и к себе тоже. Я не хочу делать ей больно, но и продолжать так больше невозможно, — голос Максима звучал твёрдо и спокойно, без тени сомнения или сожаления, так обычно говорят о чём-то давно решённом и неизбежном. — Я думаю, через пару недель я ей скажу, когда буду полностью готов. А пока мне нужно просто набраться смелости, потому что она такая ранимая, такая беззащитная, она просто не переживёт этого. Но я должен, я обязан сделать это, потому что иначе я задушу себя этой ложью.

Алина наконец смогла сделать вдох, и этот вдох был похож на судорожный всхлип, который она тут же подавила, прижав ладонь ко рту. Её ноги подкосились, и она прислонилась к краю кухонной стойки, пытаясь удержать равновесие, но мир вокруг неё начал расплываться, терять чёткость, как старая фотография, которую залили водой. Она услышала, как Максим попрощался с собеседником, сказав что-то вроде «до завтра, милая», и этот эпитет, который он обычно использовал только по отношению к ней, прозвучал сейчас как приговор. У него была другая. У него была женщина, которую он называл «милая», с которой делился своими чувствами, с которой обсуждал свою нелюбовь к собственной жене. И этот роман, судя по всему, длился уже довольно долго, потому что в голосе Максима не было той новизны, того восторга, который обычно сопровождает начало отношений, в нём была устоявшаяся, привычная близость, которая приходит только со временем.

Она медленно выключила воду, поставила тарелку на сушку и вытерла руки о полотенце, не чувствуя их, не чувствуя ничего, кроме ледяной пустоты внутри. Её мысли путались, перекакивали с одного на другое, но одна из них была настолько яркой и отчётливой, что затмевала все остальные: она должна была что-то сделать. Она не могла просто сидеть и ждать, пока он наберётся смелости разбить ей сердце. Она не могла позволить ему вот так просто вычеркнуть десять лет их общей жизни, их любви, их жертв, их надежд. Она должна была понять, что происходит на самом деле, должна была увидеть эту женщину, должна была знать правду, какой бы горькой она ни была. И, возможно, в глубине её души, где-то там, где ещё теплилась надежда, она хотела бороться. Бороться за него, за их семью, за всё то, что они построили вместе, даже если он уже давно разрушил это в своём сердце.

Когда Максим вышел из кабинета и направился на кухню, Алина уже стояла у окна, спиной к нему, глядя на вечерний город, который сверкал тысячами огней, таких холодных и далёких. Она слышала его шаги, чувствовала его присутствие, но не могла заставить себя обернуться, потому что знала: как только она посмотрит на него, она увидит в его глазах то, чего раньше никогда не замечала, — чужого человека.

— Алин, ты чего? Всё в порядке? — спросил он, и его голос звучал обычно, беззаботно, как будто ничего не произошло.

Она глубоко вздохнула, собираясь с силами, и медленно обернулась, заставляя себя улыбнуться.

— Да, конечно, просто задумалась. Устала немного, — солгала она, и голос её прозвучал удивительно ровно, почти спокойно.

— Иди, отдохни, я сам всё доделаю, — предложил он, подходя ближе, и она почувствовала на своей щеке его лёгкое прикосновение, которое раньше всегда вызывало у неё трепет, а теперь лишь отвращение и холод.

— Нет, я уже закончила, — она отстранилась, сделав шаг в сторону, и направилась к выходу из кухни. — Я, наверное, лягу раньше, мне нужно почитать кое-что.

Она вышла из кухни, прошла через гостиную и скрылась в спальне, тихо закрыв за собой дверь. Только там, стоя посреди комнаты, которую они делили на двоих уже десять лет, она позволила себе опуститься на край кровати и разрыдаться, сжимая в руках край покрывала. Но даже сквозь слёзы, даже через боль и отчаяние, в её голове уже рождался план. Она не будет просто ждать, пока её бросят, как ненужную вещь. Она узнает всё, она найдёт эту женщину, она поймёт, что на самом деле произошло с её мужем, с её браком, с её жизнью. И тогда она примет решение. Но сейчас ей нужно было взять себя в руки и сделать вид, что она ничего не знает, что она всё ещё та самая наивная и доверчивая Алина, которую он может обманывать, сколько ему вздумается. Она сделает вид, и это будет её первым шагом в игре, о которой он даже не догадывается.

Глава 2. Стекланный дом

Та ночь стала для Алины водоразделом, который разделил её жизнь на «до» и «после» с той же отчётливой жестокостью, с какой хирургический скальпель разделяет здоровые ткани и поражённые болезнью. Она лежала на своей половине кровати, притворяясь спящей, и слушала, как Максим дышит рядом с ней — ровно, глубоко, безмятежно, как человек, который наконец-то скинул с плеч тяжёлый груз и готовится к новой, свободной жизни. Его дыхание, такое знакомое и родное, теперь звучало для неё как музыка, исполненная в чужой тональности; она узнавала каждую ноту, но мелодия была совсем другой, чужой, и от этого несоответствия у неё кружилась голова. Она лежала неподвижно, боясь пошевелиться, боясь, что он почувствует её напряжение, её отчаяние, её ледяное спокойствие, которое пришло на смену истерике, и весь этот страх смешивался с удивительной, почти болезненной ясностью ума, какой она не испытывала никогда в жизни.

К утру она приняла решение, которое оформилось в её голове с кристальной чёткостью: она будет наблюдать. Она превратит свой дом, свою жизнь, свой брак в огромный стекланный аквариум, где она останется единственным зрителем, а Максим даже не заподозрит, что за каждым его движением следят пристальные, оценивающие глаза. Она будет собирать факты, как следователь на месте преступления, складывая их в ту самую мозаику, которая в конечном итоге покажет ей всю картину его предательства. Алина понимала, что это игра, в которой ставки слишком высоки, чтобы проиграть, и что цена этой игры — её собственное душевное равновесие, но выбора у неё больше не оставалось: либо она сходит с ума от неизвестности, либо она берёт эту неизвестность под свой контроль, даже если для этого ей придётся временно превратиться в актрису, играющую роль примерной жены.

Она встала раньше обычного, пока Максим ещё спал, и приняла душ, давая воде стекать по лицу и смешиваться со слезами, которые она уже не могла сдерживать, но делала это беззвучно, чтобы не разбудить его. Она смотрела на своё отражение в запотевшем зеркале и пыталась понять, что же он увидел в той, другой женщине, чего не мог найти в ней, в Алине, которая отдала ему все свои годы, всю свою молодость, все свои мечты о счастье. Её лицо казалось ей чужим: бледная кожа, тени под глазами, которые она привыкла маскировать дорогим консилером, тонкие морщинки в уголках губ, появившиеся от улыбок, которые теперь казались такими фальшивыми. Она провела пальцами по своей щеке, ощущая прохладу кожи, и подумала о том, что, возможно, она просто перестала быть для него интересной, перестала быть той загадкой, которую он когда-то хотел разгадать, превратившись из музы в обычную женщину, которая варит супы и проверяет уроки, которые им ещё только предстоит сделать с детьми. Но детей у них не было. Это было ещё одним болезненным пунктом в их отношениях, о котором они почти не говорили, но который висел между ними, как невидимая стена, разделяющая их на два одиноких лагеря.

Когда Максим проснулся и вышел на кухню, она уже стояла у плиты, готовила его любимые сырники и улыбалась ему той самой светлой, чуть сонной улыбкой, которую он так любил в начале их отношений. Она наблюдала за ним краешком глаза, отмечая каждую его деталь: как он потирает глаза, как зевает, прикрывая рот ладонью, как тянется к чашке с кофе, которую она поставила на его любимое место, и как его взгляд на мгновение останавливается на её лице, проверяя, всё ли в порядке. Он был напряжён, но старался этого не показывать, и эта его скрытность, которую она раньше принимала за заботу, теперь казалась ей отвратительным лицемерием.

— Ты сегодня прекрасно выглядишь, — сказал он, садясь за стол, и в его голосе не было того интимного тепла, которое согревало её прошлым утром, а была лишь дежурная любезность.

— Спасибо, — ответила она, ставя перед ним тарелку и садясь напротив, чтобы видеть его лицо. — Ты сегодня рано, у тебя важная встреча?

— Да, в одиннадцать, нужно подготовить несколько документов, — он откусил кусочек сырника и одобрительно кивнул, но его мысли явно были где-то далеко, возможно, с той, которую он называл «милая». Алина чувствовала это кожей, каждым нервным окончанием, она будто видела невидимые нити, которые тянулись от него к кому-то другому, и эти нити опутывали её саму, сжимая горло и лишая воздуха. Она смотрела, как он жуёт, как его пальцы сжимают вилку, как он слегка наклоняет голову вбок, когда задумывается, и понимала, что это привычное зрелище теперь будет вызывать у неё только боль, если она позволит себе чувствовать. А она не могла позволить. Она должна была быть сильной, холодной, расчётливой, как та самая «другая женщина», которая, вероятно, сейчас завтракает в своей квартире и думает о том, когда же, наконец, Максим решится развестись.

После завтрака, когда Максим ушёл в душ и заперся там надолго, Алина воспользовалась моментом. Она знала, что у него есть привычка оставлять свой телефон на зарядке на тумбочке в прихожей, когда он идёт в душ, и сегодня он не изменил этой привычке. Её сердце билось где-то в горле, когда она подошла к телефону, взяла его в руки и провела пальцем по холодному стеклу экрана. Она знала его пароль — день их свадьбы, — и этот факт, который раньше был символом их близости и доверия, теперь вызывал в ней лишь горькую иронию. Она разблокировала телефон и открыла мессенджер, зная, что сейчас она совершает то, что превратит её из жертвы в нарушителя личных границ, но у неё не было выбора. Она должна была знать, с кем имеет дело.

Первое, что она увидела, был его диалог с контактом, сохранённым под именем «И.А.», без фотографии, без какой-либо другой идентификации, но интонация последних сообщений, их тёплый, интимный характер не оставляли сомнений в том, что это именно та самая женщина. Алина начала прокручивать переписку вверх, читая их разговоры, и каждый новый фрагмент отдавался в ней тупой, пульсирующей болью. Это был не просто флирт, не просто случайное увлечение — это был полноценный роман, со своей историей, со своими кодовыми фразами, со своим секретным миром, в который у неё, у законной жены, не было доступа. Она увидела сообщения, которые датировались полугодовой давностью, а это значило, что он обманывал её не несколько недель, как она предположила вчера, а как минимум полгода, а может, и больше. Она сидела на корточках в прихожей, быстро пролистывая экран, и читала его слова, обращённые к другой женщине: «Я хочу быть с тобой каждую минуту», «Она не понимает меня так, как ты», «Я устал от этой фальши, я хочу настоящей жизни», «Как только я решу вопрос с квартирой, мы начнём новую главу».

Вопрос с квартирой. Алина застыла, перечитывая эту фразу несколько раз, и её мозг лихорадочно заработал, пытаясь соединить разрозненные кусочки пазла в единое целое. Неделию назад Максим подошёл к ней с предложением, которое она тогда сочла странным, но не придавала этому значения, списав на его обычную предпринимательскую хватку. Он предложил переоформить квартиру на её имя, мотивируя это тем, что так будет спокойнее для бизнеса, что у него возникли какие-то временные сложности с налоговой, и ему нужно вывести часть активов, чтобы перестраховаться. Она, конечно, согласилась, потому что всегда доверяла ему, всегда считала его единственным и непогрешимым, но теперь эта просьба приобретала злое, циничный смысл. Он не заботился о безопасности бизнеса, он просто готовил плацдарм для своего ухода, оформляя квартиру на неё, чтобы потом, когда он объявит о разводе, она осталась хотя бы с жильём, чтобы совесть его была чиста и он мог с лёгким сердцем начать новую жизнь с той, которая ждала его на другом конце провода. Он продумал всё до мелочей, он действовал как методичный, холодный стратег, который просчитывает ходы на несколько шагов вперёд, и в этом расчёте не было места её чувствам, её страданиям, её жизни, которая рушилась прямо сейчас у неё на глазах.

Услышав, что вода в душе перестала шуметь, Алина быстро вернула телефон на место, стёрла историю своих действий и кинулась на кухню, делая вид, что моет посуду. Её руки тряслись, когда она тёрла тарелку губкой, а в голове гудел оглушительный шум, заглушающий все остальные звуки. Она слышала шаги Максима, его шаги в прихожей, звон ключей, и через минуту он заглянул на кухню, уже одетый, с портфелем в руке, и сказал:

— Я ухожу, буду поздно, не жди меня к ужину.

— Хорошо, — ответила она, не оборачиваясь, потому что знала: если она повернётся и посмотрит на него, она не выдержит, она разобьёт эту тарелку о его голову или начнёт кричать, выплёскивая всю ту боль, которая разрывала её изнутри. — Удачи на встрече.

Дверь за ним закрылась, и Алина опустила руки в мыльную воду, чувствуя, как слёзы, наконец, начинают течь по её щекам, но теперь это были не слёзы отчаяния, а слёзы гнева, слёзы унижения и слёзы ярости, которые жгли её кожу, как кислота. Она вытерла лицо о полотенце и посмотрела на своё отражение в стекле духовки: красные глаза, размазанная тушь, мокрые пряди волос, прилипшие ко лбу, и в этом отражении она увидела не сломленную женщину, а ту, которая только что приняла окончательное решение. Если он думает, что сможет просто вычеркнуть её из своей жизни, как ненужный черновик, и начать всё сначала с чистой совестью, то он глубоко ошибается. Она не будет ждать, пока он наберётся смелости сказать ей правду, она не будет стоять в стороне и смотреть, как он строит своё новое счастье на руинах их общего прошлого. Она ударит первой, и её удар будет таким, что он никогда не сможет забыть этого дня.

Но для этого ей нужно было знать больше. Она не могла действовать вслепую, полагаясь лишь на обрывки переписки, в которой не было главного — имени, лица, адреса этой женщины. «И.А.» могла быть кем угодно, коллегой, старой подругой, случайной знакомой, но интуиция подсказывала Алине, что это кто-то из его ближайшего окружения, кто-то, кого она могла видеть, с кем могла общаться, не подозревая об истинной природе их отношений. Она была уверена, что их роман длится гораздо дольше полугода, что он начался ещё тогда, когда они с Максимом переживали тот самый сложный период, который она считала кризисом среднего возраста и пыталась переждать, терпеливо и с любовью, стараясь быть для него идеальной женой. А он в это время уже искал утешение на стороне, находя в объятиях другой женщины то, чего, как ему казалось, ему не хватало дома.

Она прошла в спальню, открыла его шкаф и начала методично перебирать его вещи, проверяя карманы пиджаков и брюк в поисках каких-либо зацепок, чека, визитки, случайной записки, которая могла бы вывести её на след. Её руки двигались быстро и уверенно, но внутри неё всё дрожало от напряжения, когда в кармане одного из пиджаков она наткнулась на сложенный в несколько раз бумажный прямоугольник. Она развернула его и увидела чек из ресторана «У озера», который находился на другом конце города, туда они никогда не ездили вместе, и на чеке был указан счёт на двоих, датированный вчерашним днём, когда Максим якобы был на встрече с партнёрами до позднего вечера. Алина сжала чек в руке, чувствуя, как бумага мнётся под её пальцами, и поняла: он провёл вчерашний вечер с ней, с «И.А.», в ресторане, который находился достаточно далеко от их дома, чтобы никто из знакомых не мог их случайно увидеть. Он пил вино, смотрел в её глаза, держал её за руку, говорил ей те же слова, которые когда-то говорил ей, а потом вернулся домой, поцеловал Алину в щёку и спокойно лёг спать, как ни в чём не бывало.

Этого было достаточно. Алина поняла, что с этой минуты она начинает свою собственную охоту. Она не будет просить у него объяснений, не будет устраивать сцен и истерик, потому что он этого не заслуживает. Она будет собирать доказательства, она будет записывать каждый его шаг, каждый его звонок, каждое его исчезновение. Она наймёт частного детектива, если понадобится, она потратит все свои сбережения, до последней копейки, чтобы узнать правду до конца, а когда эта правда будет у неё в руках, она разрушит его идеальный план, как карточный

домик. И тогда, возможно, он поймёт, что потерять Алину — это не просто освободиться от надоевшей жены, это потерять самого себя, потому что у неё есть тайна, о которой он даже не догадывается, и эта тайна способна перевернуть его мир с ног на голову.

Она сложила чек обратно в карман пиджака, потому что он должен был оставаться на месте, пока она не будет готова действовать, и закрыла шкаф. Её взгляд упал на их совместную фотографию на тумбочке, где они стояли в обнимку на фоне моря, оба смеющиеся, счастливые, полные надежд и веры в будущее. Она взяла рамку, провела пальцем по его лицу, и прошептала в пустоту комнаты:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.